

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Как же, как же!.. Только вот фамилию не помню...

МАРИЯ. Чью?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Писателя этого. Как его фамилия?

МАРИЯ. Его фамилия – Шекспир.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Точно – Шекспир. Уильям. А дальше – что, Мария?

МАРИЯ. Дальше? Дальше совсем уж трудно. Потому как то, что мы наблюдаем здесь с вами, – это из разряда необъяснимого. То есть мы этого не можем или пока не можем объяснить... И вообще мы много, очень много чего объяснить не можем, хотя нам и кажется, что мы объяснили это уже давно. Потому что все равно до конца – понимаете, Иван Петрович, до самого конца! – ничто непонятно! Вот вы думали, конечно, когда-нибудь: хлеб. Думали вы: хлеб?

ИВАН ПЕТРОВИЧ (растерянно). То есть как: думали – хлеб? Просто так: хлеб? Мысль такая: хлеб – и всё?

МАРИЯ. Да, мысль такая: хлеб. И всё. Это ведь просто голова кружиться начинает. Уже от одного того, что кто-то это придумал ведь: зерно в землю посадить, вырастить, колос сжать, в муку смолоть, тесто приготовить – всё ведь это придумать надо было!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Древние придумали.

МАРИЯ. Да неважно, кто придумал, важно – как? Как оно в голову такое прийти могло? Или вот – колесо. Или – молоко. До конца ничего не понятно... Что-то понятно, но не всё. А то, что здесь перед нами, – совсем непонятно. Неопознанный летающий объект, понимаете?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Почему это – летающий?

МАРИЯ. Господи, да необязательно так вот прямо и летающий! Не летающий даже вовсе! (С отчаянием). Иван Петрович!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Что-то вы сами, по-моему, запутались.

МАРИЯ (упрямо). Нет! Вот сейчас я понимаю все, что говорю! Но это глупо – пытаться объяснить то, что не может поддаваться никакому объяснению. Ведь понять – это обязательно рассказать! Можно ведь внутри понять: как поэзию, как музыку! Как... “На холмах Грузии лежит ночная мгла...”!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Это я понимаю. Это Пушкин.

МАРИЯ. Это только так называется – Пушкин! И неважно, в конце концов, Пушкин – не Пушкин, неважно, каким именем назвать!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Пушкин – это важно. (Думает). А может быть, это иллюзия – ну, все это, что вокруг: дворец, Шут...

ШУТ. Простите, я не иллюзия. Надеюсь, что не очень вас разочаровал?

МАРИЯ. Да возьмите и потрогайте его! И убедитесь!

ИВАН ПЕТРОВИЧ (злобно). Не желаю я никого трогать!

ШУТ. Пожалуйста, не трогайте: тоже мне – одолжение!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Нас тут дурачат – и всё!

ШУТ. Дурак дурачит дурака.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Простите, что вы сказали?

МАРИЯ (одновременно с ним). Когда же вы наконец переберете все доводы, чтобы понять: ни один не годится! Неужели вы не можете понять, что это понять невозможно! Никому – ни вам, ни мне, ни им самим! Шут... Петр Афанасьевич, вы знаете, кто вы?

ШУТ. Вы слишком много хотите от шута. Тысячи тысяч лет человек вопрошает: “Кто я? Зачем я?” – и нет никому ответа. Как же я могу знать? Никто не знает.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Я знаю, кто я. Мне кажется...

МАРИЯ. У вас все хорошо, Иван Петрович! В вашей жизни все прекрасно. Вам повезло: вы ооочень ограниченный человек.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Как вы можете, Мария! Нужно ведь понимать...

МАРИЯ. Вы... Вы хотите меня научить понимать? Вы? Иван Петрович, не сердитесь... или сердитесь, мне теперь все равно. Видите ли, вас слишком много, Иван Петрович, чертова прова вас! Вы на каждом шагу: здравствуйте, Иван Петрович-раз, здравствуйте, Иван Петрович-два, здравствуйте, третий, десятый, сто пятый... **ИВАН ПЕТРОВИЧ.** Мария!

МАРИЯ (не слыша его). Да вам просто позавидовать можно, как остро позавидовать! Вы вернетесь домой, вы чмокнете жену в щечку, вы проверите дневники у детей – и тут же, у порога, забудете про дворец, потому что он необъясним и неудобно. Вы не станете мучиться из-за дворца. Вы делаете вид, что не было его в вашей жизни. Потому что тех категорий мышления, которые нужны для того, чтобы просто подумать “дворец”, – их нет у вас, категорий этих. Другие у вас категории! (Опомнившись). Кажется, у меня истерика. Простите.

Пауза.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. И все-таки я хочу понять...

ШУТ (взрываясь). Ну, нету меня, Иван Петрович, нету! И не было никогда. Вы спите. Вы бредите. Выберите сами объяснение – любое сгодится! Мария, есть люди, которым не нужно всего этого знать, не нужно говорить!

ИВАН ПЕТРОВИЧ (после паузы). Стало быть, я хуже всех?

ШУТ (устало). Да вовсе нет. Вы, может быть, даже лучше других – вспомните, что говорил Его Величество: вам повезло, что вы увидели дворец, многие не видят.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. То есть как – не видят?

ШУТ. А вот так! Идут сквозь дворец, проходят через тронный зал, наступают на мантию Его Величества, задевают локтем Радость Его Величества – и не видят, не замечают! Если бы вы знали, сколько людей проходит здесь ежедневно, ежечасно! Это же людное место, Иван Петрович! Да и вы сами – разве вы не ходили здесь раньше? Это Мария тут впервые. Это она, это ее глаза увидели дворец и вас заставили увидеть. Не будь ее – не видать бы вам ничего этого!

МАРИЯ. Вот я жила... Я живу уже много лет. Я только сейчас забыла, сколько... Неважно это – сколько. Я училась, забыла – чему, я работала – не помню кем, я была прописана – не помню названий улиц... Но я всегда знала, что это еще не вся жизнь. Что есть и другое – то, чего мы не знаем и чего не дано знать. То, что существует рядом с нашей жизнью – невидимое, тонкое... Странно все, так странно...

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А как же феи? Их ведь вообще не бывает...

ГОЛОСА ФЕЙ. Это нас-то не бывает?

По лестнице спускаются феи.

ФЕЯ ВОЗМЕЗДИЯ. Залепить бы вам хорошую плеху, Иван Петрович, чтобы вы убедились наконец, что я есть! Хотите плеху?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Зачем же сразу плеху? Вы уж как-нибудь по-другому... Вы вот... (Думает). А сделайте-ка меня опять молодым, а, Фея? Я тогда бы... Э-эх! Сделайте! Можете?

ФЕЯ ИСКУССТВА. До чего же тривиальный ход!

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ. Все можно, Иван Петрович.

Входят Его Величество и свита. Его Величество подозрительно смотрит на Ивана Петровича.

Е.В. Чем это вы его так возбудили?

ФЕЯ ИСКУССТВА (презрительно). Он хочет стать молодым.

Е.В. (вяло). А-а-а... Так за чем же дело?

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ. Да, собственно, ни за чем... Не хочется просто. (Шепчет на ухо Его Величеству). Понимаете, Ваше Величество, его ведь для этого целовать надо! Я иначе-то не умею: только посредством поцелуя. Ну и... Сами-то вы посмотрите на него, Ваше Величество: можно такого поцеловать?

Е.В. (критически глядя на Ивана Петровича). Не знаю... Я бы не стал. Впрочем, дело ваше.

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ. Иван Петрович, может, еще передумаете? Вы уж поразмыслите хорошенько: стоит или не стоит?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Стоит-стоит! Давайте! Вам же это – раз плюнуть!

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ (грустно). Ах, если бы плюнуть, Иван Петрович!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Как я давно мечтал – вот бы помолодеть! Случая не было.

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ. Может быть, пластику попробуете? “Золотые нити”? Или, там, к визажисту наведаетесь: косметика, знаете...

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Это несерьезно, Фея! Я по-настоящему хочу: чтоб все как положено! Да вы фея или нет?

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ. Ну да... В общем-то, конечно, фея... Но такие вещи все-таки с бухты-барахты не решаются...

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Фея, я не понимаю вас! Я обдумал все и готов становиться молодым.

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ. (Его Величеству). Что ж делать-то, а? Ну, не могу я его целовать, хоть зарежьте! Ваше Величество, спасите меня, придумайте что-нибудь!

Е.В. Шут!

ШУТ. Да, Ваше Величество.

Е.В. Пока вы еще не стали канделябром, расскажите Ивану Петровичу о последствиях его омоложения.

ШУТ. Слушаюсь, Ваше Величество. Иван Петрович, вас сейчас сделают молодым, это и в самом деле совсем просто. Только вы учтите, что тогда начальником вашего отдела будет Самойлюк Борис Сергеевич. Впрочем, вам, наверное, все равно: вы уже, так сказать, по ту сторону...

ИВАН ПЕТРОВИЧ (перебивая). Кто-о? Самойлю-у-ук? Да ни за что на свете! Он же только об этом и мечтает!

ШУТ. Почему вас это волнует, Иван Петрович? Не все ли вам...

ИВАН ПЕТРОВИЧ (не дав Шуту договорить). Да погодите вы! А точно – что Самойлюк?

ШУТ. Конечно. Кто ж еще? Больше никому.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Вот незадача! Знаете тогда, что... Я, пожалуй, подожду пока. Ведь я теперь сюда дорогу знаю. Если уж очень позарез надо будет молодеть, так я мигом. А пока... я пока так как-нибудь – ну, не косметикой, конечно, а... Прогулки, там, всякие, режим, физкультура лечебная, стол номер пять... Не надо, чтобы Самойлюк.

Е.В. Вы, что же – отказываетесь?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Не совсем. В принципе я

согласен, идея хорошая. Только я хотел бы отложить на некоторое время. Можно?

ФЕЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ. Все можно, Иван Петрович. Давайте отложим.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Вот и хорошо. А то Самойлюк – это ведь такой человек: один хочет на этом месте работать, никого не подпустит, сто лет сидеть будет! И потом еще... жена ведь у меня. Приду к ней молодым – неудобно. Скажет мне: “Эх ты, Ваня!..” Любит она меня.

МАРИЯ (смеясь). До чего же мы все смешные, должно быть, со стороны!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Мы давайте лучше по-доброму расстанемся. А то вот уже и домой пора... Как бы это... нам отсюда побыстрее?

МАРИЯ. Дело в том... Иван Петрович, вы идите один, а? Потому что я, кажется, остаюсь здесь.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. То есть как это – здесь? Где же это – здесь? Здесь ведь нигде... И вы сами говорили, будто этого как бы и нет... А если как бы и нет, то... Мария!

МАРИЯ (Сыну Его Величества). Вы хотите, чтобы я осталась?

С.Е.В. (подходя к Марии). Я хочу, чтобы вы были счастливы.

МАРИЯ. Но это зависит только от вас. Если вас не беспокоит больше тот факт...

С.Е.В. Меня не беспокоит больше никакой факт. (Обнимает Марию, они целуются).

Е.В. Фея Погоды! Фея Погоды, скорее сюда!

По лестнице спускается непрерывно чихающая старушка в дождевике и с зонтиком.

Е.В. Закройте их немедленно облаком, о чем вы там у себя наверху думаете?

Фея Погоды взмахивает зонтиком – Мария и Сын Его Величества оказываются в золотом столбе. Теперь они видны еще более отчетливо.

Е.В. Вы с ума сошли, Фея Погоды! Это же золотой столб, а не облако!

ФЕЯ ПОГОДЫ (разглядывая столб). В самом деле. Извините, Ваше Величество, я совсем забыла, как делают облака. Давно тут не было влюбленных.

ИВАН ПЕТРОВИЧ (бормочет). Вот так: пообещают сделать молодым, а сделают покойником!

Е.В. Уйдите, Фея Погоды, с вашим столбом! (Смотрит на золотой столб). Впрочем, оставайтесь. Это так красиво!

Все зачарованно глядят на Марию и Сына Его Величества.

МАРИЯ (Сыну Его Величества). Все смотрят на нас... Неловко как-то...

Мария вынимает носовой платок и взмахивает им – возникает облако, в котором влюбленные не видны. Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина 1-я

Иван Петрович и Шут на балконе. За окном балкона – музыка. Там – бал.

ИВАН ПЕТРОВИЧ (размяченно). Очень тут хорошо у вас: ну, это... дворец, там, природа... Жалко, что на работе завтра никому рассказать нельзя, что во дворце был, что на балу с феями танцевал... Не поверит никто.

ШУТ. А вы расскажите. Неважно ведь – поверят, не поверят. Главное – рассказать. А там уж пусть сами решают, верить или не верить.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Хотелось бы знать только, который теперь час. Не скажете?

ШУТ. Понятия не имею. Вечер. У нас тут время проще считается: утро, день, вечер, ночь. Сейчас вечер.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Собираться давно пора... Феи у вас тут странные очень. Ничего не могут сделать, как надо.

ШУТ. А кто знает, как надо? Один только вы и знаете, Иван Петрович.

ИВАН ПЕТРОВИЧ (не замечая иронии). Ну, и я, положим, не все знаю...

ШУТ. Да бросьте вы, Иван Петрович! Все-то вы знаете...

ИВАН ПЕТРОВИЧ (после паузы). Вот смотрю я на вас и думаю: мы ведь одноклассники. Вы с какого года? (Шут пожимает плечами. Иван Петрович – с досадой). Эко тут у вас все... запущено. Ну, в общем, ровесники мы с вами. Так чего нам “на вы”-то быть, а? Давай “на ты”?

ШУТ. Давайте. Мне все равно.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А чего ты грустный-то такой? Все время грустный. Больной, что ли?

ШУТ (улыбаясь). Да не то чтобы больной... Просто веселиться особенно не с чего. И вообще: природа у меня такая – грустная. А вот у вас природа веселая.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да, у меня веселая! (Хлопает Шута по плечу). Это ты верно заметил! Нравись ты мне, сил нет! (Шут грустно улыбается). Вот! И улыбаешься ты грустно. Плохо тебе тут, что ли? Пойдем к нам!

ШУТ. Тут моя родина. На родине не может быть плохо: на то она и родина.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Тоже верно. Молодец!

ШУТ. Спасибо.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Но я что хотел сказать... Марии ведь тут остаться нельзя никак. У нее там – тоже родина.

ШУТ. Она и не останется. Никто еще не остался. Она сама, по доброй воле, уйдет.

ИВАН ПЕТРОВИЧ (серьезно). Думаешь?

ШУТ. Уверен. Чтобы здесь жить... ну, в общем, родиться здесь надо. Как, впрочем, и везде.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Мудрый ты... И чего ради ты тут шутом работаешь?

ШУТ. Мне просто все равно, кем и где.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А не надоедает?

ШУТ. Да вроде нет...

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А мне на моей работе начало уже. Надоедать начало. Но как подумаю, что на мое место Самойлюка – до самой смерти работать рад! Тебя-то тут никто не подсиживает?

ШУТ. Да нет вроде...

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Хорошо. Начальник только у тебя взыбаломный. Дергает он тебя. (Шут улыбается). А вот эта вот... Ну, полная такая фея...

ШУТ. Фея Возмездия?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да-да, она! Она что же – замужняя?

ШУТ. Иван Петрович, дорогой, феи не бывают замужними и незамужними, это немножко другое все. У них и возраста нет.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ну, та-то, с зонтиком, положим, совсем старуха!

ШУТ. Фея Погоды? Это когда как. От настроения зависит.

ФЕЯ ВОЗМЕЗДИЯ (выглядывая на балкон). Иван Петрович! Ванюша!

ИВАН ПЕТРОВИЧ (Шуту). Извини, брат. Дела! (Исчезает).

Шут, грустно улыбаясь и качая головой, отходит в тень какого-то дерева на балконе. Играет музыка. На балконе появляются Мария и Сын Его Величества. Они целуются. Шут пытается уйти, но снова смущенно отступает в тень.

С.Е.В. Никогда не думал, что смогу полюбить девушку оттуда... Вы улыбаетесь?

МАРИЯ. Мне непривычно быть “девушкой оттуда”. Всю мою жизнь я была “девушкой оттуда”. Но вы так печально сказали “оттуда”. Вы, наверное, не любите той жизни?

С.Е.В. Все, что в той жизни происходит, мы называем “за лесом”.

МАРИЯ. За лесом... Мы живем за лесом... И вы презираете нас.

С.Е.В. О нет, Мария, нет! Мы просто... мы плохо понимаем вас. То, о чем вы думаете, то, что вас радует и огорчает, то, что волнует вас, – все это нам странно. Мы не могли бы жить этим. Мы и держимся только потому, что не живем этим.

МАРИЯ (эхом). Этим... Чем – этим?

С.Е.В. (грустно улыбаясь). Всем этим... Вам кажется, что я опять уклоняюсь от ответа. Но я просто не знаю, как ответить на ваш вопрос! Мне бы очень хотелось, чтобы вы, Мария, поняли одно: то, что мы не отвечаем на вопросы, – это не наш каприз. Мы действительно не в состоянии на них ответить – особенно на те, которые задают люди, приходящие из-за леса. Нас спрашивают: “Вы есть на самом деле?” (Смеется). Представьте себе, Мария, что я задаю вам вопрос: “Мария, вы есть на самом деле?” (Мария улыбается). Потому-то нас обычно и раздражают такие вопросы. Ваш мир – это мир видимостей, вы там у себя верите тому, что видите. Но большинство из вас не верит в то, что в лесу может стоять дворец с феями, и потому, проходя мимо дворца с феями, вы настолько уверены, что так не бывает... настолько, что и в самом деле не видите нас.

МАРИЯ. Но ведь некоторые видят!

С.Е.В. Некоторые видят – и, наверное, хорошо, что хотя бы не полностью исключают возможность чего-то, что ни на что не похоже. Правда... (Горько вздыхает). Правда, Мария, попав сюда и убедившись в том, насколько мы реальны, они делают все для того, чтобы соотнести нас с чем-то известным. И это удаётся: нас считали уже сном, мечтой, мистификацией... даже мошенниками считали, разбойниками! Кем угодно и чем угодно. (Улыбается). Даю голову на отсечение, что и вы как-то уже объяснили нас себе.

МАРИЯ (смеясь). Объяснила!.. То есть, скорее, не объяснила – назвала. Назвала, но (смеется) – ничего не объяснила! И не хочу: пусть будет так.

С.Е.В. А можно полюбостраствовать, как вы называли нас?

МАРИЯ. Наваждение.

С.Е.В. (задумчиво). Так нас, кажется, не называли еще. Наваждение. Наваждение... Хорошее слово! (С удивлением). Хорошее слово! Ведь наваждение – это как раз и есть нечто непонятное, необъяснимое...

Окончание следует.